

Ян Е так крепко сжал плечо Бай Тинби, что у того на глаза навернулись слёзы. Юноша сердито зыркнул на своего мучителя, но сдержался и не издал ни звука, покорно шагая вслед за свирепыми кочевниками-сицзянцами, которые гнали пленных прочь из разорённой деревни.

На бескрайней равнине за околицей вовсю пировали победители. Со всех сторон с гиканьем и свистом сбегались другие сицзянцы: у одних поперёк сёдел лежали мешки со скудным крестьянским зерном, другие волокли на арканах испуганных женщин. Головорезы шумно радовались добыче, перекликивались на своём гортанном наречии и, завидев Цзинь Никэ, спешили присоединиться к его отряду. Набралось их никак не меньше нескольких сотен.

Ян Е прислушивался к этому гомону, но не понимал ни единого слова из их варварского лепета. Он слегка толкнул плечом Бай Тинби. Тот прожил на границе больше двух лет и сносно понимал чужое наречие.

— Они говорят, что не ожидали набрать столько баб, — едва слышно прошептал Тинби, косясь на конников. — Радовались, мол, что делиться добычей с остальными в лагере будет жалко, поэтому решили поразвлечься с ними прямо в дороге... поразвлечься...

Юноша внезапно задрожал всем телом и испуганно округлил глаза.

— Маркиз, я ведь мужчина! Самый настоящий, из плоти и крови! Нельзя допустить, чтобы эти дикари приняли меня за девку и пустили по кругу. Нам во что бы то ни стало нужно бежать.

— Жди ночи, — так же тихо отозвался Ян Е. — Сейчас дёргаться глупо. Не успеем скрыться, как попадёмся в лапы Ло Ину, а с него станется шкуру с нас спустить. Мать твою, кто же знал, что невинная затея с женским платьем обернётся такой бедой!

Обоих терзала боль от ран, но выбирать не приходилось — приходилось покорно плестись вперёд. Благо их гнали в одной толпе с настоящими женщинами, которые едва волочили ноги от страха и усталости. Кочевникам вскоре надоела эта канитель. Цзинь Никэ недовольно зыркнул на плетущихся пленниц и зычно скомандовал:

— Хватит возиться! По одной девке на седло — и ходу! Живее убираемся за заставу!

Пленниц тут же начали бесцеремонно забрасывать на лошадей. Ян Е достался огромному, как скала, сицзянцу. Кочевник бесцеремонно прижал его к конскому крупу. От дикаря разило такой густой вонью немытого тела и прогорклого жира, что к горлу маркиза подкатила тошнота. Едва кони сорвались в галоп, разбитые раны отозвались нестерпимой, жгучей болью.

«Сукин ты сын, чтоб тебя черти в преисподней зажарили!»

Когда мучения стали почти невыносимыми, передние ряды кочевников внезапно заволновались, осаживая взмыленных коней. Дорогу им преградили.

Ян Е и Бай Тинби, чьи лошади оказались в голове колонны, изо всех сил вытягивали шеи, пытаясь рассмотреть препятствие. Увиденное заставило обоих онеметь от изумления.

Тракт перекрыл отряд воинов генерала Ло Ина, конвоировавший полтора десятка гружёных повозок. Возглавлял их один из местных командиров. Но куда больше поражали двое всадников, ехавших позади него под охраной нескольких десятков гвардейцев Ичжэнь.

Один из них, высокий и подтянутый, облачённый в серебристо-серые одежды с длинным мечом за спиной, сидел в седле с безупречной осанкой; за его спиной тенью следовали братья Дун. Второй, в просторном пунцовом халате, излучал спокойствие и благородство, словно бессмертный даос.

Это были не кто иные, как левый заместитель судьи Верховного суда Лин Шу и помощник министра ритуалов Цзин Хуайюй.

От неожиданности Ян Е напрочь позабыл, что на нём надето женское платье, и испуганно отпрянул назад, едва не вывалившись из седла. Сердце испуганно заколотилось в груди.

«Неужто выследили? Неужели за нами явились?»

Тем временем командир Ло Ина гневно прикрикнул на кочевников:

— Что это значит?! Пока наши посланники ведут переговоры с вашим вождём, вы шарите по округе и воруете людей у нас под носом? Где это видано?!

Цзинь Никэ угодливо заулыбался и направил коня поближе к рассерженному офицеру.

— Сжальтесь, почтенный командир, не гневайтесь! — залебезил он. — Ваш генерал Ло сам говорил, что великий император Да Янь приготовил для нас щедрые дары. А лучший подарок — тот, что радует сердце! Нашим парням в степи больше всего не хватает покладистых жён. Считайте этих девок частью императорских подношений, ладно? Обещаю, это в последний раз. Больше ни одной не тронем!

Офицер нахмурился, с отвращением глядя на его заискивающую физиономию. Цзин Хуайюй тоже недовольно поджал губы.

— Хм... В реестре подношений подобные дары не значатся, — протянул помощник министра и повернулся к спутнику. — Господин Лин, как поступим?

Лин Шу лишь покачал головой, храня ледяное молчание — похоже, этот казус ставил его в тупик. Цзинь Никэ, почуяв слабинку, протиснулся ещё ближе к судье.

— Почтенный господин Лин! — продолжал он уговаривать с приторной улыбкой. — Баб-то всего ничего, а для наших изголодавшихся воинов это великая радость. У нас в Сицзя женщин ценят высоко, берегут пуще глаза! Вот взять хотя бы нашего принца-консорта Цзинь Яжэня. Если старшая принцесса велит ему на коленях стоять — он и пикнуть не посмеет. А коли с ложа спустит — так и будет на полу до утра куковать, пока не разрешат подняться! Весь наш народ берёт с него пример. Мы своих жён холим и лелеем, так что позвольте нам забрать бедняжек, а?

Ян Е наблюдал, как этот боров нагло протискивается к Лин Шу, и мысленно брызгал слюной от злости.

«Нашёл же чем хвастаться, дубина стоеросовая! Принц-консорт у них подкаблучник безродный, а этот и рад трезвонить на весь свет. Настоящий дикарь, ни ума, ни чести! И какого чёрта ты к нему так жмёшься? Думаешь, от тебя весенним садом пахнет, смерд вонючий?!»

Лицо Лин Шу оставалось бесстрастным, лишь взгляд скользнул по фигуре Цзинь Никэ, оценивая степень его наглости. Спустя мгновение он сухо обронил:

— Подобными вопросами ведаёт ведомство ритуалов. Пусть решает господин Цзинь.

Дёрнув поводья, судья развернул коня и неспешно направился на север. Сопровождавшие его гвардейцы Ичжэнь безмолвными теньями двинулись следом.

Цзинь Хуайюй тонко улыбнулся и, наклонившись к Цзинь Никэ, негромко произнёс:

— Раз уж так сложилось, забирай своих девок. Но помни: обращаться с ними мягко. И упаси вас небо распускать руки по дороге, пока мы едем вместе. Если они поднимут плач и разгневают господина Линя... уверяю, пощады не ждите. Я умываю руки.

Договорив, он пришпорил коня и поспешил догнать ушедший вперёд авангард.

Цзинь Никэ торопливо закивал, соглашаясь, и раздал новые указания. Степной отряд вместе со своей живой добычей пристроился к хвосту имперского каравана.

Движение продолжалось. Со стороны казалось, что все они едут одной большой кавалькадой, но на деле между группами пролегла невидимая граница. Впереди ехал Лин Шу со свитой, развлекаемый болтовнёй услужливого Цзинь Никэ. Следом двигались имперские солдаты, плотным кольцом охранявшие гружёные повозки. А сицзянцы со своими пленницами тащились в самом хвосте, держась на почтительном отдалении.

Боковая застава

Пяньгуань, Боковая застава, находилась неподалёку. Караван шёл споро, и уже вскоре после полудня впереди показались массивные очертания крепостных ворот. Поскольку сопровождавший их офицер долгое время служил под началом генерала Ло Ина именно здесь, а у Цзин Хуайюя на руках имелся священный императорский указ, стража без лишних расспросов пропустила процессию за пределы Великой стены.

К вечеру, когда на степь опустились сумерки, путники отыскивали защищённую от ветра ложину и остановились на ночлег. Имперские чиновники и солдаты спешно разбили лагерь и разошлись по палаткам. Цзинь Никэ велел своим людям развести большой костёр на открытом месте и заняться ужином. Женщин согнали в кучу неподалёку. Каждой бросили по куску жёсткого вяленого мяса и дали по глотку пресной воды, но при этом выставили плотную стражу, строго-настрого запретив делать лишние движения.

Пользуясь темнотою, Бай Тинби осторожно подполз поближе к Ян Е.

— Маркиз, стемнело, — едва слышно прошептал он. — Самое время делать ноги.

Оба они превосходно владели боевыми искусствами, а глупые сицзянцы принимали их за беззащитных девиц. Сбежать под покровом ночи для мастеров такого уровня не составило бы труда.

Ян Е, с аппетитом уплетая вяленую конину, лишь беззаботно фыркнул:

— Бежать? С какой стати? Кормят сытно, поят исправно, никто нас не обижает. Сиди да радуйся.

Бай Тинби от удивления чуть не поперхнулся воздухом.

— Да ты... ты... неужели совсем от похоти разум потерял?! — зашептал он, заикаясь от возмущения. — Днём твердил про побег, а теперь на попятную?! Если из-за твоих глупостей я лишусь невинности, я тебя...

Договорить он не успел — Ян Е бесцеремонно зажал ему рот ладонью.

— Потихе ты, дурень, — прицыкнул маркиз. — Тут творятся странные дела. Сицзянцы и люди Цзин Хуайюя спелись, словно старые сообщники. Мне нужно выяснить, что они затевают. Это государственная важность, а не забава! Если поджилки трясутся — пробирайся к своим, доложи обо всём Юньци. Пусть пришлёт подмогу, а я остаюсь.

Бай Тинби с трудом отодрал его пальцы от своего лица. В глазах его снова блеснули слёзы.

— Ну уж нет, — шмыгнул он носом. — Оставляю я тебя здесь, а с тобой что-нибудь случится... С каким лицом я потом людям на глаза покажусь? Вэй Линьсянь и остальные меня до конца дней

курам на смех поднимут. Раз ты остаёшься, то и я никуда не уйду!

— Вот и помалкивай тогда, — ухмыльнулся Ян Е. — И не зуди над ухом. Тоже мне, народилась девица на выданье! Нацепил юбку и распереживался за свою девичью честь.

На следующий день караван возобновил путь. Унылые каменистые пустоши гоби постепенно сменились сочными лугами, а затем перед путниками раскинулась бескрайняя, как море, степь. Могучий вольный ветер гнал по зелёной глади изумрудные волны, уходившие за самый горизонт, где земля сливалась с грядой пушистых облаков. Редкие озёра, разбросанные среди трав, поблёскивали под солнцем чистой лазурью, точно оброненные великаном драгоценные камни.

Ян Е, впрочем, было не до красот природы. Он без конца вытягивал шею, пытаясь рассмотреть, что происходит во главе отряда. Но караван растянулся на сотни чжанов, и разглядеть, о чём шуткаются заговорщики в авангарде, было решительно невозможно.

Город Юньчжун

Спустя неделю изнурительного пути на северном горизонте наконец показалась синеватая полоска гор. Величавые, грозные пики Иньшаня подпирали небосвод. У их подножия раскинулся город Юньчжун — оплот и пристанище кочевых племён Сицзя. Когда караван пересёк извилистую, словно шёлковый пояс, реку, взорам открылись белые стены кочевой столицы. По бескрайнему пастбищу вокруг неё текли неторопливые овечьи отары, оглашаемые протяжными песнями пастухов, а в отдалении белели разбросанные юрты и шатры.

Цзинь Никэ с гиканьем взмахнул плетью, заставив её громко щёлкнуть в прозрачном воздухе.

— Эй, вестники! — зычно проорал он. — Живее скачите к великому вождю и нашему принцу-консарту! Доложите, что мы вернулись с победой! Мы доставили дорогих гостей из Срединной Империи, да ещё и привезли кучу баб! Ха-ха-ха-ха!

Его залиvistый, хвастливый хохот привлёк внимание дозорных. Навстречу каравану выкатился отряд степных всадников, которые и препроводили прибывших в ворота города.

Вступив в городские стены, Ян Е с любопытством озирался по сторонам. Здешние постройки, возведённые из грубого камня и нетесаных брёвен, выглядели массивно, но крайне топорно. На улицах толпились исключительно мужчины-сицзянцы в своих традиционных одеждах из шкур и сукна; женщин почти не было видно. Цзинь Никэ не врал: прекрасный пол в этих краях действительно был на вес золота.

У ворот скромного княжеского дворца процессию встречал сам принц-консарт Цзинь Яжэнь в

окружении свиты. С виду он мало походил на чистокровного кочевника. Мужчина лет двадцати семи отличался изящным телосложением, бледной кожей и тонкими, хищными чертами лица. Его глубокие изумрудные глаза загадочно поблёскивали, а копна иссиня-чёрных кудрей спускалась до самых пят, перехваченная яркими разноцветными лентами. Пышные сицзянские одежды принца-консорта лоснились от обилия золотого шитья и драгоценной отделки, переливаясь под солнцем всеми цветами радуги.

Когда Цзинь Никэ представил ему Лин Шу и Цзин Хуайюя, хозяин дворца с изысканной грацией раскинул руки навстречу гостям. Имперские чиновники невольно вздрогнули, решив, что дикарь полезет обниматься, однако тот лишь чинно сложил ладони у груди, отвешивая традиционный степной поклон. Лин Шу и Цзин Хуайюй поспешили вежливо ответить на приветствие и уже собирались войти следом за ним в ворота, как сзади раздался радостный голос Цзинь Никэ:

— Братец, гляди! Сколько красавиц пригнал!

С этими словами он, точно хвастливая обезьяна, вытолкнул вперёд толпу испуганных пленниц.

Цзинь Яжэнь удивлённо приподнял бровь и медленно направился к растрёпанным девицам. Он безразлично оглядел их с ног до головы и недовольно поморщился:

— Никэ, вкус у тебя паршивый, как обычно. Впрочем... такие замарашки даже к лучшему. Во дворце сейчас совсем нет служанок. Отберите два десятка покрепче и оставьте здесь, а остальных забирайте себе, делите как хотите.

У Ян Е испуганно затрепетало сердце.

«Если нас отсеют и отдадут простым воинам, пиши пропало!»

Маркиз принялся аккуратно, плечом протискиваться в передний ряд. Бай Тинби, чертыхаясь про себя, последовал его примеру. Как оказалось, у Цзинь Никэ действительно напрочь отсутствовало представление о женской красоте: он лично указал на этих двух нелепо накрашенных «красавиц» и распорядился отправить их во дворец.

Дворец сицзянского правителя оказался невелик, и в нём действительно не было ни единой женщины. Все поручения выполняли исключительно слуги-мужчины, отчего два десятка пленниц из Да Янь мгновенно стали местной достопримечательностью. Цзинь Яжэнь приставил к ним двоих пожилых надсмотрщиков, владевших языком Срединной Империи. Женщин отвели в дальнее крыло, велели умыться с дороги и переодеться в традиционные степные наряды. Тех, кто пытался противиться, осыпали яростной бранью. Перепуганные пленницы не смели перечить, а Ян Е с Бай Тинби, затесавшись в толпу, разыгрывали невинных, скромных девиц, опустив глаза долу.

Ночью они делили одно ложе на двоих. Повернувшись на бок, Ян Е негромко спросил:

— Ну что, Сяо Бай, ты у нас парень башковитый, всё на свете знаешь. С чего бы в здешнем дворце баб не держали?

Бай Тинби, которого до глубины души уязвляла необходимость расхаживать в женском платье, злобно зыркнул на довольного маркиза.

— Откуда мне знать! — буркнул он и отвернулся к стене.

Ян Е задумчиво прищурился.

— Пахнет жареным, — прошептал он сам себе. — Обязательно нужно всё разнюхать.

Во дворце ходить замарашкой не позволялось, а выдавать себя маркиз не желал. Глубокой ночью он пинками выставил Бай Тинби на поиски сажи или туши. Раздобыв немного сухой туши, Ян Е развёл её водой, аккуратно затонировал лицо, а затем с помощью уголька и дешёвых румян нарисовал себе новые брови и неестественно яркий румянец. Осмотрев плоды своих трудов в зеркало, он наконец облегчённо вздохнул.

На следующий день явились старики-надсмотрщики и принялись обучать пленниц азам степного наречия и придворного этикета. Несчастные китайки сжимались от страха и путали движения. Один из стариков добродушно усмехнулся:

— Не робейте, девицы. Наши правила куда проще ваших заумных церемоний. Учитесь прилежно: кто быстрее освоит, ту отправят прислуживать знатым гостям. Хоть на мир посмотрите, дурёхи.

Ян Е соорудил глуповато-восторженную мину и захлопал ресницами. Он вызвался первым показывать движения, выказывая невиданное рвение. Старик, польщённый такой старательностью, довольно закивал и выделил смышлёную «девицу». Маркиз тут же решил ковать железо, пока горячо:

— Почтенный дядюшка, а чем сейчас заняты знатные господа? Неужто таким дурнушкам, как мы, и впрямь доверят подносить им чаши?

Старик хмыкнул, поглаживая жидкую бородку:

— Будешь стараться — уже завтра пойдёшь. Во дворце рук не хватает, а гости важные. Так что не ленись.

— Дядюшка, вы так добры к нам! — заворковал Ян Е, соорудив умильную рожицу. — Мы расшибёмся в лепёшку, но не подведём вас. Только... почему же во всём дворце ни одной женщины не сыскать?

Старик мгновенно помрачнел, взгляд его стал настороженным.

— Хм... На то есть свои причины, — сухо отрезал он. — Поменьше суй свой нос куда не следует, девка. Не твоего ума дело.

В этот момент у дверей раздался леденящий душу, хриплый голос:

— Это кто тут болтает, будто во дворце баб нет? А я, по-твоему, кто?

<http://bllate.org/book/19546/1998801>